

нения подчас невыносимы для читателя, как бы символизируя пресловутые худшие черты «интеллигентщины». В своей одновременной неразрешимой любви к Тоне и Ларисе Юрий Андреевич чуть ли не буквально повторяет Льва Николаевича Мышкина — его метания между Аглаей и Настасьей Филипповной... Но ведь Мышкин был «князь-Христос», потерпевший крах в своих земных странствиях (как это — уже с реальным Христом — произойдет во время его второго пришествия в поэме Ивана Карамазова «Великий инквизитор»).

Юрий Андреевич — при всем своем безволии, пластичности по отношению к жизненным обстоятельствам и окружающим людям, неяркости своих поступков, а нередко и просто бездействии — тоже своего рода ипостась Христа. Его всепрощение, человеческая отзывчивость, постоянная готовность к самопожертвованию, его любвеобильность — все это несомненные черты Христа-человека, знакомые читателю не только по романам Достоевского, но и по изложению жизни Христа Львом Толстым. В тетради стихов Живаго эти черты с каждым новым шагом читателя к концу романа проступают со все большей и большей отчетливостью, пока, наконец, слова Христа не зазвучат уже из уст лирического героя, от первого лица не то героя, не то автора — обещанием воскресения.

Знаменательно уже «наименование» героя, вынесенное в заглавие романа. Юрий Андреевич — *доктор*, хотя мы не видим в романе непосредственных свидетельств его врачебной деятельности. Врач, как и художник, для Живаго и его создателя — отнюдь не профессия, не поприще. Герой Пастернака, подобно евангельскому Иисусу, — врач духовный, Врач Духа. Вспоминаются крылатые евангельские изречения: «Врачу, исцелись сам» (Лк.: 4, 23); или: «...Не здоровые имеют нужду во враче, но больные. Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию» (Мрк.: 2, 17). Как и Христос в Евангелии от Луки, Юрий Андреевич мог бы прочесть как бы от своего имени строки пророка Исаии: «Дух Господень на мне; ибо Он помазал Меня благовествовать нищим, и послал Меня исцелить сокрушенных сердцем, проповедывать пленным освобождение, слепым прозрение, отпустить измученных на свободу» (см.: Лк.: 4, 18; ср. Ис.: 61, 1 и 2). Если мысленно соединить в единую проповедь все «душеспасительные беседы», которые ведет в романе Юрий Андреевич, — это и окажется благовест и исцеление, прозрение и освобождение, покаяние и воскресение, о которых говорит евангельский Богочеловек.

Исцеляя себя, герой романа Пастернака, сам того подчас не сознавая, врачует и окружающих, а исцеляя других, — спасается сам. И окружающие его люди в конце концов не могут этого не понимать. Ведь Юрий Андреевич врачует прежде всего души людей, и лишь поскольку это его профессия, — их тела.

Есть и другая сторона имени героя, также вынесенная в заглавие романа, — *Живаго*. Церковнославянский оборот: «дух Бога Живаго», или «посланец (пророк, апостол, Мессия и т. п.) Бога Живаго» — относится к личности и деятельности героя романа. Черты характера Христа, его странствия, поучения, крестные страдания, следующее за смертью на распятии воскресение, — все это недвусмысленно спроецировано на романное бытие доктора Живаго, на идейный сюжет и философскую концепцию творения Пастернака¹.

Казалось бы, последние годы жизни Юрия Андреевича, так удивительно похожие на трагическое угасание Ильи Ильича Обломова в конце гончаровского романа, его намеренная и произвольная потерянности в мире торжествующего зла — в самый год «великого перелома», когда

¹ Изложенные здесь наблюдения над смыслом заглавия романа Б. Пастернака перекликаются с аналогичными выводами Л. К. Долгополова, выступавшего 31 мая 1990 г. на Пастернаковских чтениях с докладом «Странный доктор» (к вопросу о характере личности героя романа «Доктор Живаго»). На том же заседании автор настоящей статьи высказал свои соображения по этому поводу.